

Множество призраков сменили тревогу на радость, и лишь одна хозяйка лавки гневалась пуще прежнего — даже сильнее, чем когда была жива.

Она осыпала проклятиями лицо Юнь Байли, на котором застыла торжествующая ухмылка. Конечно, брызнуть слюной, как живой человек, она не могла, отчего злилась еще больше. Собравшись было высказать колкость в адрес Цин Мянью, она вдруг увидела, как Юнь Байли легонько взмахнул фонарем — и в воздух поднялся струящийся желтый дым.

Цин Мянью заметила: хоть этот дым и не мешал душам двигаться вперед, он отгородил яростную хозяйку, не давая ей приблизиться, а ее ворчание сделалось едва различимым шепотом.

Это был именно тот момент, который ей требовался.

Цин Мянью подошла к Юнь Байли и прямо спросила:

— Прошу у вас совета, господин. Среди душ, что прибыли в Преисподнюю за эти дни, нет ли некой Цинь Фан? Ей около тридцати, она была генералом Великой Лю.

Юнь Байли искоса взглянул на имя, мерцающее, словно зыбучие пески, на белом халате Цин Мянью, и переспросил:

— У вас одна фамилия? Вы из одной семьи? Она тебе родственница или хозяйка?

Цин Мянью ответила уклончиво:

— Старшая в роду.

— Как она скончалась? Погибла в бою?

— И генерал, и я стали жертвами заговора.

Лукавое выражение лица Юнь Байли немного сгладилось, он задумчиво нахмурился и произнес:

— Я таких не встречал. А ты... ты видела своими глазами, как она испустила дух, прежде чем самой умереть?

Цин Мянью несколько лет прослужила разведчицей в приграничных войсках и лучше других знала, как вести допрос и выведывать информацию. С печальным видом она кивнула:

— Все именно так, господин. Мы обе скончались с разницей в несколько мгновений, поэтому мне и показалось странным, что я не нашла ее здесь. Госпожа Цинь была очень добра к нам, младшим. Прежде чем переродиться, я хотела бы встретиться с ней и отвесить поклон.

Юнь Байли потерял нос, бросил Погодите здесь, я разужнаю и растворился в желтом дыму.

Прошло немало времени, прежде чем он вернулся и уверенно заявил:

— Маленький генерал Цинь, я повсюду навел справки: среди тех, кто отправился в путь в этот час, твоего генерала нет. Видимо, ее срок жизни еще не истек, и она там, наверху, залечивает раны. Ступай спокойно на перерождение.

— Господин Юнь, вы лично видели, что в Книге Жизни и Смерти имени Цинь Фан действительно нет?

Юнь Байли вернулся к своему шутиливому, беспечному тону:

— Ой, маленький генерал, ты слишком высокого обо мне мнения! Я всего лишь выполняю черную работу, кхе... нет, погоди, я даже рангом ниже, чем Быкоголовый и Лошадиная морда, как я могу видеть Книгу Жизни и Смерти в руках Великого Императора Яньцзюня? Но я не стану обманывать таких честных людей, как ты. Я опросил всех служащих, что сопровождают души к перерождению и конвоируют злых духов в ад — нет ее, и всё тут.

Цинь Мяннь поспешно поблагодарила его, пробормотав: Значит, так тому и быть, у моей госпожи своя судьба, — но в душе у нее бушевал океан.

...

Цинь Мяннь было двенадцать, когда Цинь Фан взяла ее в приемные дочери.

Это случилось на семнадцатый год правления Синхэ, когда предводитель армии ханьцев Чэнь Лан разбил войска северных хунну и сменил название иноплеменного государства Да Шэн на Великую Лю.

Хотя хунну бежали обратно в северные степи, их остатки все еще представляли угрозу. Двдцатичетырехлетняя воительница Великой Лю Цинь Фан приняла под свое командование двадцатитысячное конное и пешее войско Армии семьи Цинь после гибели своей матери, Цинь Цин, на полях сражений.

Отважная воительница и ее верные воины, движимые жаждой мести за Цинь Цин, в кровопролитных боях вскоре отвоевали крупный город, который несколько лет находился под гнетом хунну.

В городе, пропитанном запахом пороха и гниющих трупов, к коню Цинь Фан бросилась девочка:

— Генерал! Возьмите меня в армию, я знаю иероглифы, понимаю и говорю на языке хунну, хорошо знаю северные тропы, я могу стать для вас разведчиком!

Цинь Фан посмотрела на нее:

— А с чего мне знать, что ты не лазутчик, оставленный хунну в городе?

Девочка без колебаний развернула узелок, который прижимала к груди, вытряхнула пучок желтых волос и выкатила человеческую голову.

— Это голова их десятника. Я подкралась и заколола его, а потом отрезала голову, — сказала девочка.

— Те барабаны перед зданием военного ведомства сделаны из человеческой кожи. Женщины в городе не хотели идти в их шатры, и хунну сдирали с них кожу, делая барабаны, которые выставляли прямо на улицах. Там была моя мама и моя сестра, — добавила она.

Цинь Фан помолчала несколько мгновений, затем отдала приказ подчиненным:

— Снимите эти барабаны, бережно соберите останки и похороните их на братском кладбище на юге города.

Девочка бросила голову, подбежала к барабанам, разрубила древки, подхватила барабаны и обернулась к Цинь Фан:

— Похороните мою маму и сестру, и я пойду с вами, генерал.

Цинь Фан кивнула:

— Как тебя зовут?

— Эр Ни.

— Фамилии нет?

— У мамы не было фамилии, отца звали Бай, он был ученым. Когда пришли хунну, он решил, что мы — обуза, и сам сбежал на юг. Я больше не хочу носить его фамилию.

Цинь Фан сказала:

— Хорошо, тогда будешь носить мою фамилию Цинь, я удочерю тебя.

Еще с давних времен у военачальников была традиция брать в армии приемных детей — самых доверенных из доверенных, от нескольких десятков до сотен.

Девочка опустилась на колени и поклонилась.

Цинь Фан продолжила:

— В моей армии имена приемных дочерей связаны с силой: я хочу, чтобы вы выкладывались до

конца во время битвы, а в мирное время рассчитывали только на себя. Твое имя будет Мянью — в нем есть знак Силы.

Так у девочки появилось славное имя. В последующие годы она полностью оправдала его. Она была прилежной, чуткой, выносливой — самой младшей среди разведчиков в войске Цинь Фан, но именно она раз за разом приносила важнейшие сведения о враге.

Накопив немало военных заслуг, Цин Мянью однажды сказала Цинь Фан:

— Приемная мать, когда я еще немного окрепну, я пойду в наступление и сражусь с хунну в открытом бою. Я не боюсь погибнуть.

Тогда Цин Мянью и представить не могла, что в конце концов падет не на пограничье, а в столице собственной страны — Инъяньфу Великой Лю.

В этом году, в начале весны двадцать пятого года Синхэ, Армия семьи Цинь, воспользовавшись междоусобными распрями внутри северных хунну, одержала еще несколько побед. После сражений воины отдыхали в ставке в Чжочжоу, а Цинь Фан вместе с личной охраной отправилась в столицу Великой Лю, Инъяньфу, чтобы предстать перед шестидесятилетним императором-основателем Чэнь Ланом, доложить о делах и принять награды.

Поговаривали, что Цинь Фан могут повысить в ранге: из Маркиза Динъюань сделать Герцогом Лян. В Великой Лю было четыре или пять женщин-маркизов — одни получили титул по наследству за поднесение земель предков, другие, как семья Цинь, — за боевые заслуги. Но чтобы император жаловал женщине титул герцога — такое случалось впервые.

На второй день после того, как Цинь Фан с Цин Мянью и другими телохранителями прибыла в Инъяньфу, сын министра двора Мао Цзяня, Мао Чжэн, лично принес приглашение на семейный ужин.

Мао Цзянь был в числе первых ученых, сдавших экзамены после основания Великой Лю. В начале карьеры он служил уездным начальником на севере, прекрасно справлялся с сельским хозяйством, обустройством беженцев, сбором продовольствия и налогов, за что добился выдающихся результатов. Он часто помогал Цинь Цин, матери Цинь Фан, которая тогда охраняла границы.

Двадцать лет спустя военные успехи пограничной армии позволили Мао Цзяню завоевать признание императора и двора, и он занял кресло министра двора.

Цинь Фан почитала министра Мао как старшего дядю и каждый раз, возвращаясь в столицу, посещала его поместье, соблюдая все приличия. Император Чэнь Лан даже издал устный указ, чтобы цензоры не смели фабриковать обвинения в тайных сговорах между придворными и пограничными генералами.

Раз уж сын министра пришел с приглашением, Цинь Фан охотно согласилась. Поездка была, как всегда, без лишней помпы: простая карета, небольшая свита и лишь один телохранитель.

Цинь Фан позвала с собой Цин Мянь.

— Ты в первый раз со мной в столице, нужно на мир посмотреть, — весело сказала она.

<http://bllate.org/book/21831/2261311>